

Е Тао думал, что они возвращаются домой, и без лишних слов сел в машину Чжоу Цзыцяня. Только когда они уже ехали, он понял, что направляются ни к нему домой, ни в дом семьи Чжоу.

Е Тао схватил Баобао, который царапал кожаное сиденье, и усадил его к себе на колени, украдкой взглянув на водителя. Убедившись, что тот не заметил, он спросил:

— Куда мы едем?

Чжоу Цзыцянь, не отрывая взгляда от дороги, спокойно ответил:

— Сначала купим посуду, а потом найдём тихое место, чтобы закопать твоего кота.

Баобао, и так уже кипящий от злости, ещё больше разозлился. Он мысленно ругался: «Если бы не я, пожертвовавший своей жизнью, разве у тебя была бы возможность познакомиться с дядей Е Тао? Хотя я способствовал созданию этой несчастливой связи, но всё же это твоя судьба! Я хоть и посредник, но как ты можешь так со мной обращаться? Я слышал, что после свадьбы посредника выбрасывают за стену, но чтобы сразу похоронить — это что-то новое!»

Е Тао поймал лапку Баобао, которая тянулась наружу, и начал гладить его по спине и животу, не давая ему вымещать злость через шалости.

Место, куда они ехали, не было тихим, но дорога была долгой. Е Тао задремал, а Баобао воспользовался моментом, чтобы перебраться на заднее сиденье и начать царапать его, представляя, что это его дядя.

Когда машина остановилась, Е Тао проснулся. Он не сразу понял, где они находятся. За окном уже стемнело, вдоль улицы горели фонари, и не было ни одного тёмного угла.

Чжоу Цзыцянь накинул на Е Тао свой пиджак и, схватив Баобао, который вернулся на переднее сиденье, выбросил его на заднее:

— Ты останешься в машине.

Е Тао вышел из машины вслед за Чжоу Цзыцянем и действительно оказался в магазине элитного фарфора. Он немного побродил среди изысканных чашек, тарелок и блюд, которые можно было использовать как украшения, затем обернулся к Чжоу Цзыцяню:

— Это действительно необходимо?

— Я всегда считал, что посуда у нас дома слишком грубая и тебе не подходит. Давай выберем два набора. Один оставим у тебя, другой возьмём домой, — Чжоу Цзыцянь взял руку Е Тао и положил в неё изящную фарфоровую чашку. — Разве она не красива?

Эти руки, никогда не знавшие тяжёлой работы, были изящными и утончёнными. Длинные пальцы с аккуратными суставами держали изысканную фарфоровую чашку, создавая поистине эстетичное зрелище.

Они проделали такой долгий путь только ради покупки двух наборов посуды. Е Тао не понимал, о чём думал Чжоу Цзыцянь. Однако позже, после их расставания, набор посуды, оставшийся в доме семьи Чжоу, стал для Чжоу Цзыцяня чем-то очень дорогим. Он часто смотрел на него, погружаясь в свои мысли, и никто не осмеливался его потревожить, пока он не возвращался к реальности с лёгким вздохом.

Магазин фарфора находился далеко от дома Е Тао, и к тому времени, как они закончили покупки, уже наступило время ужина. Машина выехала с торговой улицы и остановилась перед рестораном, где явно не пускали животных. Баобао, взглянув на вход через окно, понял, что его снова оставят в машине. Он был в ярости и, как только дверь открылась, выскочил и помчался по улице.

— Баобао, вернись! — Е Тао забеспокоился. Баобао был совершенно не ориентировался в пространстве, едва выйдя за пределы переуллка, он мог потеряться.

— Вернись, оставайся здесь, — Чжоу Цзыцянь, зная, как Е Тао любит кота, решил помочь ему догнать Баобао.

Баобао, злой и решительный, заставил своего дядю пробежать пол-улицы. Какой позор для такого гордого человека, как Чжоу Цзыцянь, гоняться за котом на улице. Но дядя тоже не остался в долгу. Он схватил Баобао и бросил его в багажник, а затем, несмотря на уговоры Е Тао, направился к ресторану.

— Выпусти его, не запирай, лучше уж побей его! — Е Тао признавал, что Баобао был неправ, и понимал, что Чжоу Цзыцянь имеет право злиться, но он не мог позволить, чтобы кота так наказали. После похищения у Баобао развилась клаустрофобия, и хотя сейчас ему стало лучше, он всё ещё боялся замкнутых и тёмных пространств. Такое наказание было хуже, чем физическое воздействие.

— Побить его? Ты бы позволил? Этот маленький зверёк распоясался только потому, что ты его избаловал! — Чжоу Цзыцянь тоже не хотел ссориться с котом, но его и без того плохое настроение ухудшилось из-за этой выходки, и раздражение переросло в злость.

— Ты сам назвал его зверьком, зачем тогда с ним ссориться? Отпусти! Выпусти его! — Баобао в багажнике уже кричал так, что голос срывался. Е Тао, слыша это, был в отчаянии и, не обращая внимания на то, как это выглядит со стороны, начал тянуть Чжоу Цзыцяня в другую сторону.

Силы Е Тао были ничтожны по сравнению с Чжоу Цзыцянем, но тот, боясь причинить ему боль, слегка ослабил хватку, и тонкое запястье выскользнуло из его руки. Е Тао быстро подошёл к багажнику, начал успокаивать Баобао:

— Не бойся, сейчас выпустим...

Затем обернулся к Чжоу Цзыцяню, который стоял с мрачным лицом, и, разозлившись, ударил по крышке багажника:

— Открой!

Чжоу Цзыцянь достал из кармана ключи от машины, нажал кнопку, и, когда фары мигнули, багажник автоматически открылся.

— Мяу!

Баобао выпрыгнул и бросился в объятия Е Тао, глаза его были полны слёз, а тело дрожало.

Е Тао нежно гладил его по спине, успокаивая тихими словами:

— Не бойся, всё в порядке...

Чжоу Цзыцянь смотрел на это с иронией: словно родители ругают ребёнка.

Из-за этой ссоры ужин не состоялся, и все трое вернулись домой голодными.

Баобао был напуган и больше не смел злить Чжоу Цзыцяня. Всю дорогу он сидел на коленях у Е Тао, словно считая его своей мамой, и цеплялся за его одежду, чувствуя себя одновременно испуганным и обиженным.

Когда они уже подъезжали к дому Е Тао, машина снова остановилась. Чжоу Цзыцянь вышел один и заказал еду в маленьком ресторане, который раньше часто посещал Е Тао. В ресторане было много посетителей, и пришлось немного подождать. К тому времени, как они добрались до дома, было уже за девять.

В старом жилом районе фонари светили редко, и, несмотря на то, что ещё были люди, вокруг царил атмосфера уныния и тишины. Это делало двух человек, стоящих перед домом и спорящих, особенно заметными.

Машина Чжоу Цзыцяня остановилась на пустыре перед домом. Двигатель заглох, но они не вышли, молча наблюдая за ссорой на улице.

Ли Минцзюэ был пьян. Обычно сдержанный человек, он теперь устроил скандал на глазах у всех, крича:

— Отстань от меня! Я просто хочу увидеть его, я просто хочу его увидеть, я не буду ему мешать...

— Хватит притворяться пьяным! — Цинь Чжихэн, который уже долго уговаривал его, тоже разозлился. — Он умер два года назад, ты сам хоронил его, ты забыл?!

— Врёшь! Ты сам умер! Я видел его вчера, в... в магазине у входа. Он покупал одэн, я видел его своими глазами! — Ли Минцзюэ кричал, но голос его становился всё тише, и он, опустив голову, бормотал. — Он так любил одэн из того магазина, я помню, я не забыл...

Цинь Чжихэн, уставший от разговоров с пьяным, попытался увести его к машине. Ли Минцзюэ упрямылся, пытаясь подняться наверх. В конце концов, Цинь Чжихэн, потеряв терпение, бросил его на землю и хотел уйти, но услышал, как пьяный всё ещё бормочет:

— Я видел его, я действительно его видел...

Цинь Чжихэн почувствовал горечь. Он не знал, кого видел Ли Минцзюэ вчера, но был уверен, что это не тот человек, о котором он думал. Тот человек действительно давно умер.

Цинь Чжихэн, вздохнув, вернулся и, присев перед пьяным, мягко уговаривал:

— Сегодня уже поздно, он, наверное, спит. Завтра я привезу тебя к нему.

Ли Минцзюэ, сидя на земле, немного помолчал, затем перестал сопротивляться, и Цинь Чжихэн увёл его к машине. Серебристая машина проехала мимо Чжоу Цзыцяня и Е Тао и быстро исчезла в темноте.

— Не забудь взять свою посуду, — Е Тао напомнил дяде и племяннику, затем взял пакет с едой и вышел из машины.

Возможно, вам покажется, что эта глава затянута (может быть, не только эта). Когда я её

писал, я тоже колебался, но потом решил всё-таки написать, чтобы объяснить внутренний мир дядюшки и сделать его не таким отвратительным. Конечно, у каждого своё мнение, и некоторые, возможно, сочтут его ещё более подлым. Эх, я уже не могу его оправдать, пусть сам старается.

<http://bllate.org/book/17687/1650270>